

Рогнеда



Елена Батурина

12+

Елена Геннадьевна Батурина

Рогнеда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35239305

SelfPub; 2020

Аннотация

Это история простой девушки, которой пришлось столкнуться с предательством и людской злобой. Рогнеду обижали и отвергали. И тогда на смену доброте пришла жажда мести и тёмная магия, а прекрасная девушка стала жестоким чудовищем, сея повсюду страх и разрушения...

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 4 |
| Глава 2 | 9 |
| Глава 3 | 16 |
| Глава 4 | 20 |
| Глава 5 | 24 |
| Глава 6 | 29 |
| Глава 7 | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

Елена Батурина

Рогнеда

Глава 1

В гостях у Матвея

– Я надеюсь, все помнят первое правило этого дома – выключить звук на своих телефонах-милифонах и положить их в корзинку возле входа? – Дед Матвей внимательно посмотрел на собравшихся, приподняв одну бровь. Дети дружно закивали в ответ.

Старый Матвей смаковал ситуацию, ведь почти два десятка глаз внимательно следили за каждым его движением, ловили каждое его слово, окружив его плотным кольцом, восседая на мягких, тёплых овечьих шкурах. Дети ждали волшебную сказку, а он специально старался оттянуть её начало, тем самым ещё больше подогревая интерес. Старик любил вечером, в конце трудовой недели сходить в баньку, надеть свои любимые широкие льняные штаны и серую рубаху, плести безделушки из бересты да рассказывать сказки внукам, которых у него было уже больше дюжины. Внуков больше дюжины да у каждого по два друга, так что в знаменитый дом из сруба с оранжевой крышей на краю деревни, на-

бывалось столько детишек, а иногда и их родителей, что яблоку было некуда упасть. Дети всегда с нетерпением ждали этого вечера, так как знали, что дед Матвей не только расскажет новую интересную сказку, но и вручит подарок одному из счастливиц. Старик садился в своё любимое массивное кресло у камина, обитое светло-коричневой кожей, с протёртыми подлокотниками, клал возле него бересту и, пока рассказывал сказку, успевал сплести из неё какую-нибудь забавную штуку. Он любил повторять, что береста обладает живительной энергией, и изделия из неё придают уют жилищу, дарят радость и дают защиту от дурного глаза. Что он только не делал: солонки, туюски, сухарницы, короба всех видов, а если настроение будет, – и картины, и всё что делал, раздавал ребятишкам, к их огромной радости. Он и сам радовался, когда видел счастливое лицо ребёнка.

– Да что это я вас всё выдумками да сказками кормлю?! Расскажу-ка я лучше, что на самом деле произошло в наших краях много-много лет назад.

Дед почесал затылок, потом свою аккуратную бороду. У него было очень доброе, покрытое мелкими морщинками лицо, прямой нос и пронзительные синие глаза, которые внимательно смотрели из-под густых, тронутых серебром бровей. Несмотря на свой возраст, дед Матвей выглядел очень моложаво и подтянуто, он никогда не горбился, как другие старики, никогда ни на что не жаловался и был полон энергии и позитива, которыми заряжал всех вокруг. Он всегда

был чем-то занят и жутко не любил, когда кто-то бездельничает при нём. Никто не знал, сколько лет старику на самом деле, а если его спрашивали, он всегда мастерски увиливал от ответа, тем самым раздувая слухи о том, что ему без малого лет пятьсот. И когда старик рассказывал свою очередную сказку, лицо его светилось волшебным светом так, что дети не могли оторвать от него взгляда.

И вот дед Матвей взялся за бересту и, прищурив один глаз, неторопливо начал свой рассказ:

– Это было давным-давно, когда тот старый дуб на холме ещё жёлудем был. В те времена на Дальнем озере мельница стояла, хорошая такая, добротная, деревянная. Рядом дом был, да при нём амбар, только там никто не жил...

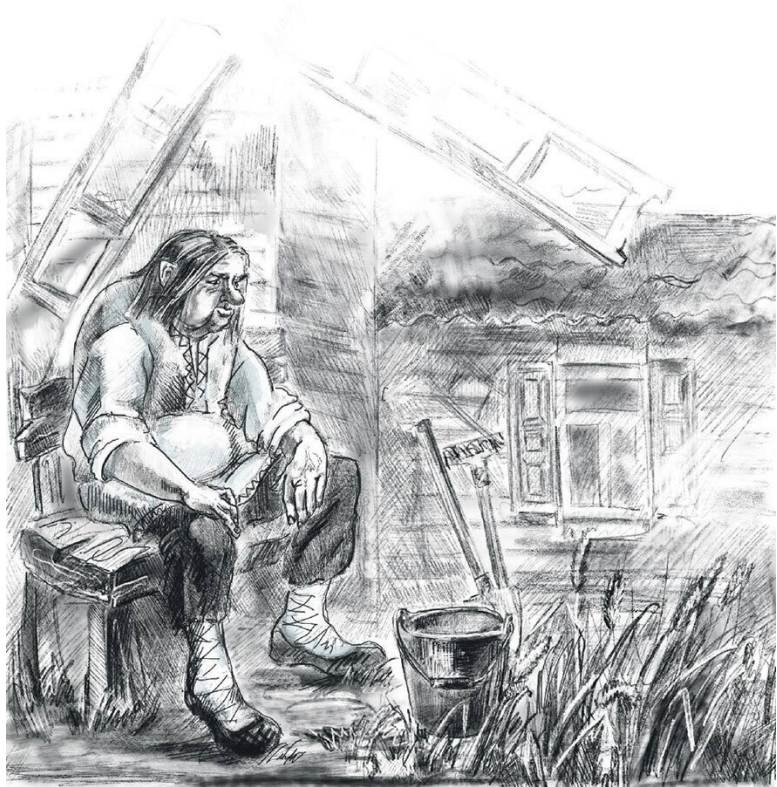
– А почему никто не жил? – перебил деда нетерпеливый мальчишка.

Все дружно на него зашикали, ведь он нарушил второе правило деда – не перебивать рассказчика, а поднять руку и только тогда спрашивать. Дед как ни в чём не бывало продолжил свой рассказ, погружившись в прошлое:

– А не жил, потому что и жить-то там некому было. Ох и странная история там случилась, толком никто и не знает, как оно было на самом деле. Только сгинули все в одночасье – таинственно и непонятно. Так что с тех пор дом с амбаром и стояли заброшенными. А на самой мельнице жил один только мельник. Вся округа, все из близлежащих деревень приходили молоть сюда своё зерно. Но шли с опаской, так

как вид у этого мельника был, скажем так, — дед задумался на мгновение, — неприятный глазу людскому, ну, отталкивающий, что ли? Сам он был немаленького роста, но горбатый да кривой на правую сторону, отчего и хромал всегда, а огромные мозолистые руки висели как плети и доставали почти до земли. А лицо?! Ох и говорить неохота: над маленькими, близко посаженными мутными глазками свисали чёрные густые брови, а припухшие щёки делали глаза узенькими. Был у него ещё огромный нос картошкой, а кривые зубы торчали в разные стороны, не давая ему полностью закрыть рот.

Словом, очень неприятный тип. Из-за такого вида люди сторонились его и старались меньше с ним общаться. Но работу он делал споро и на совесть, да и душою он был добр и отзывчив, оттого и шли к нему люди, мололи зерно и тут же разъезжались по своим деревням. Так и жил он один-одинёшенек, никому не нужный, на берегу озера. Дни его проходили однообразно: утром чуть свет встанет, быстро перекусит, чем Бог послал, и целый день работает. И только когда все людские голоса утихнут, он устало сядет на лавочку возле своей мельницы и с грустью смотрит на озеро. Ведь, когда упадут сумерки на озеро, он погрузится в непроглядное, беспробудное одиночество. Так и пролетали его безрадостные дни.



Глава 2

Настенька-сиротка

Дед замолчал, посмотрел на притихших ребятишек, ухмыльнулся и продолжил свой рассказ:

– Однажды на мельницу приехала Настенька, восемнадцатилетняя сиротка из соседней деревни. Жила она на краю деревни под смешным названием Пчела. Мать-то её хворь лютая замучила, болела она очень, никакие травы не помогали. Раньше ж как, только травами и лечились. Маялась, маялась, да и отошла в мир иной. А отца её медведь в лесу задрал: ушёл он как-то на охоту, да и не вернулся, сгинул совсем. Искали его долго всей деревней, да так и не нашли. В те времена в лесу много людей пропадало, не то заблудятся, не то зверь какой нападёт, никому не ведомо. А ещё у Насти дед старый был, наверно, лет сто ему минуло. От старости тот умом тронулся. Болтал разное, страшные истории придумывал про гиен огненных, про зверей невиданных, про колдовство всякое. Да его никто не слушал, кому охота бреднями старого болтуна голову забивать. Так и он тоже как-то взял и пропал, что с него взять, больной раз был на всю голову. Его даже и искать не стали. Так и осталась Настенька одна-одинёшенька в старой лачуге, что от деда досталась. А из «богатства» остались ей деревянная кровать в

углу да древний стол с двумя табуретками. Ещё рыжий конь у неё старый был да телега скрипучая, того и гляди развалится. Вот она и нанималась к своим односельчанам: что привезти, да что увезти. То сено возит, то зерно на мельницу, то с мельницы муку. Да и люди жалели сироту, кто хлеба даст, кто – молока, кто – пшена, а много ей, что ли, надо? Сама Настенька красавица была, ладная, умница, с людьми приветливая, на работу ловкая. Бывало, проснётся чуть свет, наденет свой единственный сарафан, умоет бело личико, карие глазки. Заплетёт волосы в тугую русую косу ниже пояса, попьёт водицы, да и за работу примется. А у сироты, знамо дело, работы – делай, не переделаешь...

Как-то раз один мужик из соседней деревни попросил девчушку на мельницу съездить, зерно ему смолоть. Настенька согласилась, конечно, но на душе у неё кошки скребли, не то мельника побаивалась, не то предчувствие какое-то нехорошее было. Выдвинулась она в тот раз поздней обычного, после полудня далеко уже было, утром-то она едет и песни поёт, а тут что-то страшно стало. Чудилось ей, будто в кустах кто сидит или с дерева наблюдает. Не по себе делалось ей, едет, вожжами подёргивает, коня поторапливает, а саму страх берёт.

– Давай, Гнедко, давай, родной, поторапливайся. Нам бы до темноты в деревню вернуться, жутко очень...

А конь у неё умный был, что человек, понял хозяйку, прибавил шаг. Вот уж мельницу видно, проехала она пустой

дом, озирается, мельника нигде не видно. Настя решила позвать его:

– Дядька Серафим, ты где?! Это я, Настя с Пчелы, привезла пшено... – вжав голову в плечи, позвала она негромко.

В ответ тишина, только пустые ставни дома скрипят, ветер в них гуляет.

– Дядька Серафим! – отважилась громко крикнуть она. – Ты где?

– Что кричишь?! Я не глухой, телега твоя так скрипит, за версту слышно, того гляди развалится, починить её надо, – отвечал мельник, появляясь из-за дома. – А ты что, дурная твоя голова, ночь уж скоро, а ты только едешь?! Я-то свою работу сделаю, не бойсь, только ты вот как домой в темноте поедешь? Мало ли зверья ходит...

– Ничего, как-нибудь доберусь! Чай, не впервой, – храбро заявила Настя, спрыгнула с телеги, погладила коня. – Мне не привыкать, да и Гнедко дорогу знает, довезёт, родимый.

– Ну и дела... Ладно, что лясы-то точить, давай работать, пока ещё светло, – проворчал мельник и заковылял к мельнице, неся на плечах мешок с зерном. Девчушка кружилась возле него, стараясь помочь.

– Сядь, угомонись! Только мешаешь! Без тебя быстрее сделаю, – пробубнил Серафим.

– Да как так-то, дядька?! Не могу без дела сидеть, пока ты работаешь, плохо мне от безделья. Давай хоть мешок поддержи, пока мука сыплется, – брови её взлетели вверх, глаза

приняли такой умоляющий вид, что отказать ей не было сил.

– Ладно, держи мешок!

Так они и трудились вдвоём. И нелюдимый Серафим каждый раз, когда поглядывал на девушку, улыбался, и на душе у него становилось светло и радостно. Как будто жизнь к нему возвращалась, глаза его искрились от счастья. Да и Настенька уже не сторонилась его, не пугалась его злобного вида. Она поняла, что в душе Серафим очень добрый и ранимый. И глаза у него хоть и маленькие, да такого необыкновенного василькового цвета, что позавидовать можно. Да и не в красоте дело, главное, чтобы человек был хороший. А то, что дядька Серафим был хороший, она давно знала, многим помог, никогда в помощи не отказывал. И даже было иногда обидно, когда некоторые относились к нему свысока и с презрением. Этого он ну никак не заслуживал. Наконец-то последний мешок был измолот. Собрали они мешки, взвалили на повозку. Присели устало на завалинку возле мельницы.

– Слушай, Настя, темнеет уже, оставайся у меня на мельнице, а как солнце встанет – поедешь себе спокойно. Ну куда ты в такую темноту собралась? Переживай потом за тебя! – устало пробубнил Серафим.

– Нет, я обещала дядьке Афанасу, что сегодня приеду, а слово своё я всегда держу. Так что, куда ни кинь, надо ехать. Благодарствую, дядька Серафим, что не отказал мне, мог ведь сказать, мол, поздно уже, завтра приезжай, – Настя поклонилась мельнику, взяла под уздцы Гнедко,

– Но, родимый, давай, домой пора, пошевеливайся, – сказала она коню.

– Стало быть, дело, решённое? И отговаривать тебя смысла нет?

– Верно говоришь, Серафим, поеду, и дело с концом! – уверенно и бодро заявила Настёна, махнула рукой и двинулась в сторону леса.

Серафим долго всматривался вдаль, наблюдая за худенькой фигуркой, крепко держащей вожжи. Близилась ночь, и скоро темнота скрыла девушку.

Они уже доехали до леса, как вдруг телега заскрипела совсем жалобно, колесо сорвалось с оси и покатилося в сторону от дороги. Телега покосилась и медленно повалилась набок.

– Серафим! – позвала мельника девушка.

– Что такое? – забеспокоился мельник, пристально вглядываясь в сумерки. – Что не так? Настя!

– Дядька Серафим! Колесо! Телега сломалась! – раздался голос девушки.

Бросив метлу, которой подметал мусор у мельницы, он тут же помчался ей на выручку. Запыхавшись, мельник добежал до Насти, но увидев, что все живы и здоровы, немного успокоился.

– Ну и дела... Что тут у вас произошло? – переводя дыхание спросил Серафим.

– Да вот, колесо отлетело, – вздохнув, сказала Настя.

– Надо вернуться на мельницу, починить его. Хорошо,

сейчас сломалось, а если бы в лесу, что бы делала? Одна, в темноте... – пожурил мельник Настю.



– А, может, закрепить как-нибудь, да потихоньку я бы и доехала... – тихо предложила Настя.

– Не обсуждается! Переночуешь на мельнице, а я тем временем колесо починю, а утром тронешься в путь, – настаивал Серафим.

– Но дядька Афанас... – начала было Настя, но не успела досказать, как мельник перебил её.

– Подождёт Афанас, ничего с ним не случится, его же

мука целее будет! – сказал Серафим, и Настя больше не раздумывала, взяла Гнедко под уздцы, развернула коня и двинулась в сторону мельницы. Так они, вдвоём придерживая сломанное колесо, кое-как вернулись обратно.

– Если хочешь, я тебе в том доме постелю, там нет никого, – предложил Серафим.

Настя обвела взором заброшенный пустой дом, поёжилась.

– Ну уж нет! – зябко подёргивая плечами, прошептала она. – Здесь останусь. Там я от страха помру.

– Дело твоё, занимай мой топчан, а я вот тут, возле печки себе постелю, а поутру уж и колесо починю, – махнул рукой мельник.

Настя ловко взобралась на топчан, закрылась одеялом и тут же заснула крепким сном младенца.

Глава 3

Тайна Серафима

Мельнику не спалось, он долго ворочался с боку на бок. Потом всё же решил не маяться, встать да заняться делом – починить колесо. В сарае Гнедко мирно жевал траву, которую Настя заботливо нарвала другу ещё вечером. Серафим зажёг свечу в лампаде, оглядел поломку.

«Да... – задумчиво прошептал он. – Дурная поломка, но легко поправимая. Так что утром будет уже в деревне. Знаю я этого Афанаса, тот ещё ушлый тип, не пожалеет сироту, может и не заплатить ей...»

Серафим принялся за работу, да так увлёкся, что не заметил, как Гнедко взволновался, нервно забил копытами. Только когда он, раздув ноздри, негромко заржал, мужчина удивлённо посмотрел на него.

– Что такое? Ну? Чем недоволен? Трава, что ли, кончилась? – заботливо спросил Серафим, оторвался от работы, неторопливо подошёл к коню. – Травы полно ещё...

Но Гнедко был очень напуган, метался по загону и издавал странные жалобливые звуки.

– Да что ж такое, успокойся, всё в порядке... – но беспокойство животного передалось и мельнику. – Может, с Настей что?

Он стремглав бросился к мельнице, распахнув дверь, глазами нашёл Настю, но та, свернувшись калачиком, сладко посапывала. Девушка улыбалась, видно, ей снился хороший сон.

– Ну, всё нормально... – но тут же обернулся в сторону сарая, где Гнедко заржал что есть мочи. Серафим побежал обратно, но и там ничего подозрительного не увидел. – Ну и дела... Неспроста всё это...

Он обошёл вокруг сарая, повернулся лицом в сторону леса. Там явно что-то происходило. Лес словно стонал, гнулся под тяжким бременем. «Может, сходить, посмотреть?» – подумал мельник, зашёл в сарай и, успокоив коня, тихонько вывел его за ворота. Они быстро домчались до края леса.

– Всё, пру, стой, тебе говорят! – громко приказал он Гнедко и спрыгнул с коня. – Дальше мне нельзя...

Конь наклонил голову и, краем глаза поглядывая на Серафима, как будто молча спрашивал: «В чём дело, давай смелее, скачем дальше! Ты что, не слышишь, там беда, там нужна наша помощь!»

– Да знаю, знаю, – обняв Гнедко за шею и нежно теребя гриву, прошептал мельник. – Да только тебе могу сказать, что дальше этого места мне ходить нельзя. Как только я вхожу в лес, на моей шее словно руки смыкаются, начинаю задыхаться и падаю без сознания. А прихожу в себя на одном и том же месте, возле мельницы. Это какой-то заколдованный круг. Не вырваться мне, я как будто прикован, здесь и умру,

наверно.

И у Серафима навернулись слёзы на глаза. Конь, поняв его печаль, уткнулся мордой в его плечо, прядая ушами.

– Спасибо, что выслушал меня, я ещё никому в жизни не говорил об этом. Почему так происходит, я и сам не знаю, это у меня с детства. А ещё... – он на минуту задумался, решая, говорить или нет, но потом решил, что перед ним просто конь, и можно рассказать ему всё, чтобы облегчить душу. – А ещё – ты гляди на меня, гляди, видишь, каков я стал?

Конь понимающе затряс головой: он всё заметил, всё понял, только сказать не мог.

– Днём я страшный горбатый мужик, еле хожу. Но как только на землю спускаются сумерки, я превращаюсь в такого, какой я сейчас. Старая кожа разглаживается, отек спадает, пропадает горб, и зубы выравниваются. На озере я видел свое отражение – каков красавец, совсем не тот, какой я днём, но кто об этом знает... Так и живу всю жизнь с этим проклятьем, – молодой статный мужчина провел рукой по густой копне каштановых волос, прикрыл свои выразительные васильковые глаза и тяжело вздохнул. Как же пусто и тоскливо было у него на душе!

Страшный гул и непонятные звуки затихали в лесу. Мельник с Гнедко ещё долго стояли, прислушиваясь и вглядываясь в темноту, но ничего больше не услышав, не торопясь двинулись обратно к мельнице.

– Вот и рассвет, скоро, с первыми лучами солнца, я буду тем, кто я есть, не пугайся, – подбодрил он коня, потрепав его по холке.

Глава 4

Ужасные находки

Первый луч солнца вырвался из гущи леса, заискрился и заиграл на горизонте. Птицы радостно поприветствовали Серафима, застрекотали кузнечики, замелькали бабочки. Только мельник оставался грустным, кожа его сморщилась, нос растянулся, вырос горб, в общем, он стал прежним. Конь посмотрел на него и покачал головой. Превращение произошло вовремя, и, только он стал самим собой, с мельницы слышался звонкий голос Насти:

– Эй, где вы все?! Я проснулась, а вас нет! Куда это вы ходили?

– Да вот, косточки старые разминали да прогулялись чуток, – нарочито весело ответил мельник.

– Это здорово! А теперь давайте чинить телегу, ехать мне надо!

– Да я уже починил, только как доберёшься, сходи к кузнецу, пусть сделает крепление понадёжнее. А сейчас давай перекусим и поедешь... – устало произнёс мужик.

– Ой, спасибо тебе, Серафимушка, только мне недосуг, и так задержалась. Потеряли меня чай, ну не меня, а зерно хозяйское, – она весело засмеялась. – Давай, Гнедко, пошевеливайся, пора нам в дорогу!

– Да хоть чаю попей... У меня есть, Авдотья с Петровки угостила, заморский, вкуснейший, ты в жизни такого не пробовала! – предложил мельник.

– А я водицы попила, мне так привычнее, нечего привыкать к заморскому-то, – разглаживая сарафан руками, ответила Настя.

– Ну, как знаешь, – сказал мельник, помог ей запрячь коня, ещё раз проверил телегу на прочность, погрузил муку. – Что ж, ступай себе с Богом, да осторожнее там, глядите в оба, если что, возвращайтесь, я тут буду.

– Спасибо тебе, Серафим, за всё, за всё: и за приют, и за колесо, и за чай заморский! Что бы я без тебя делала, – с улыбкой и поклоном сказала Настя, потом немного задумалась и весело воскликнула. – Села бы и заревела! Вот.

Ещё долго слышался её звонкий смех, будто тысячи колокольчиков зазвонили в поле. Настроение у неё было отличное, а погода – прекрасная, и Настя весело затянула песню. Дорога-то неблизкая, так что она успела перепеть все песни, что знала, по два с половиной раза, как вдруг Гнедко резко остановился и испуганно заржал. Девушка чуть с телеги не свалилась.

– Ты что встал как вкопанный? Чуть лоб себе не расшибла! Ну, что ты там увидел? – она привстала на телеге, чтобы понять причину остановки.

Но, ничего не увидев из-за высокой конской холки, соскочила с телеги и обошла Гнедко.

— О, Господи! Что тут такое? Дождя-то уже давно не было... — её внимание привлекла большая грязная лужа, и она решила подойти поближе. — Это что... Ой, да это же... кровь?!

Настя стала пятиться назад, глаза её расширились от ужаса, она нервно заозиралась по сторонам, ожидая нападения со стороны леса.

— Может, охотники кабана зарубили? Да нет, вроде они всегда добычу домой несут и там её разделявают. А тут огромная лужа крови. Ужас, ужас-то какой! Давай, Гнедко, вперёд, чем быстрее уедем отсюда, тем лучше!

Настя дёрнула коня за уздцы, чтобы быстрее уйти с этого страшного места. Они уже отъехали на достаточно приличное расстояние от той находки, как Гнедко опять жалобно заржал.

— Ну, что опять не так? Без тебя жутко! — зашипела на него вконец перепуганная девушка. — Да смотри ты, видишь, нет никого...

Говоря так, она вовсе не была уверена, что в лесу никого нет. Ей уже самой казалось, что повсюду волки, и те только и ждут, чтобы броситься на них. Да и та лужа крови всё ещё маячила у Насти перед глазами. Конь опять встал как вкопанный, Настя уже ничего у него не спрашивала, она медленно слезла, подошла к Гнедко, обняла его за шею и с опаской посмотрела на дорогу. На этот раз на обочине дороги, лежал мертвый, истерзанный зверёк.

– Да что это творится-то такое?! Что это за злодей, что безобидных зверюшек убивает, – она тяжело вздохнула, решила подойти поближе к страшной находке и похоронить несчастное животное.

– А-а-а! – что есть мочи закричала она. – Гнедко! Быстрее, быстрее отсюда! Это не животное, это... это... рука! – Настя вскочила на телегу. – Но! Но! Лети, родимый!

В панике и на бешеной скорости она влетела в деревню. Хотела скорее рассказать всем об увиденном, но деревня встретила девушку непривычной тишиной. Кое-где тлели сгоревшие дома, не мычали коровы, не блеяли овцы, не гремели вёдрами у колодца девушки, не бегали по улице чумазы ребятишки.

– Люди! А вы где все? – испуганно вертела Настя головой и спрашивала, видно, сама у себя, так как ответить ей было не кому. – Э-э-эй! Куда все подевались?!

У Насти сжалось сердце, ноги подкосились, она медленно опустилась на траву, на глазах у неё навернулись слёзы, и она тихо заплакала.

Глава 5

Узники подвала

Крыса бежала по длинному коридору, усы её вздрагивали, маленькие красные глазки сверкали недобрым огнём. Как ей нравится этот тёмный и затхлый подвал, здесь всегда есть чем поживиться. И не только ей одной, еды хватит на всю её многочисленную родню. Не жизнь, а сказка. Хозяйка замка – старая злая графиня – и сынок её тоже, к слову, с противнейшим характером, ни разу не покушались на их пребывание в замке. Да и слуги, десятка два старых, немощных людей, тоже не обращали на крыс никакого внимания. По подвалу пронёсся еле заметный запах крови, и крыса побежала в этом направлении. Вдруг ей перепадёт какой-нибудь лакомый кусочек. Крыса осторожно высунула голову из-за угла.



«И откуда они нагнали эту вонючую, грязную толпу, вряд ли здесь найдется, чем перекусить. Пожалуй, опасно к ним приближаться, а то, чего доброго, возьмут, да с голодухи меня сожрут», – подумала крыса, рассматривая грязные клетки, битком набитые испуганными людьми. Однако хитрая зверушка не ушла, а только притаилась и стала наблюдать за измождёнными пленниками. А те старались взглядеться в темноту и хоть что-нибудь увидеть. Их глаза были полны ужаса, они ещё не осознали происходящее и их пугала неизвестность. В людских головах никак не укладывались события прошлой ночи.

– Эй, люди! Кто здесь? – раздался мужской голос справа.
– Я, я, Прасковья из Нижней Кузьминки! – ответил с про-

тивоположной стороны женский голос.

– А я Прокоп, плотник с Шапы, – откликнулся ещё один.

Так насчиталось человек пятьдесят, и все из Нижней Кузьминки, Шапы да Пчелы, Настиной деревни. Люди стали перешёптываться, восстанавливать события прошлой ночи.

Как только на землю спустились сумерки, высоко в небе захлопали крылья. Да не просто крылья какой-то там пташки, и не стаи птиц, а одной гигантской птицы. Люди в деревнях мало что интересного видели в жизни, они выбежали из домов на улицу и стали разглядывать её, раскрыв рты. Босонogie детишки бегали по траве, показывая ручками в небо и радостно кричали:

– Вот это да! Смотрите, какая большая птичка!

Птица, красуясь перед удивлённым народом, сделала большой круг. Но потом вернулась и стала резко падать, сложив крылья за спиной. Она огромными лапами хватала людей, подкидывала их вверх и, раскрыв огромный клюв, поливала огнём всё вокруг. Начался переполох, люди в панике метались во все стороны, пытаясь спастись от страшной напасти.

– Я в это время дома была, – раздался женский голос. – Услышала крики людей, хотела выбежать на улицу, потомглянула в окно и словно окаменела. На крыше сарая соседа моего, Тараса, сидела... не знаю, кто даже, птица, да не птица... не видывала ранее ничего похожего. Она была огромная и чёрная, а перья на голове стояли дыбом, точно коро-

на. Очень странное существо! Птица посмотрела на меня – будто пронзила... насквозь! И знаете что, хоть между нами и было немалое расстояние, закрытое занавесками окно, да и в комнате уже было темно, что я заметила: глаза-то у неё – человеческие, но очень холодные и злые, а крылья огромные и сильные. А когти... острые, как ножи у нашего кузнеца Егорыча! А потом чудовище отвлек какой-то шум, и она ринулась туда. Сердце у меня так стучало, что я сама слышала его стук, думала, выскочит из груди. А эта птица разнесла и сожгла дома соседей, вот это сила!

Женщина горько вздохнула и умолкла. Всё погрузилось в тишину, даже крыса перестала шевелить усами.

– Послушайте! – воскликнул молодой мужской голос с другой стороны. – А как вы сюда попали? Меня она как схватила на пороге дома, так только здесь и отпустила.

Со всех сторон раздались возгласы, что нет, мол, не птица их сюда принесла. А история вышла у всех примерно одинаковая. Сначала птица кружилась над деревней, вылавливала людей на улице, тех, кто не успел спрятаться. Остальные сидели в своих укрытиях, чуть дыша, ещё очень долго. И только услышав топот лошадиных копыт, самые смелые вылезли из своих укрытий. Но они даже и подумать не могли, что попадут из одной опасности в другую. Трое всадников, одетых в чёрные кожаные штаны и куртки с огромной золотой птицей на груди, везли с собой телегу с огромной клеткой из железных кольев. Один из чужаков, отлича-

шийся от других головным убором, украшенным чёрными перьями, и маской, закрывающей половину лица, приветливо помахал испуганным людям рукой, поманив их к себе. Деревенские жители нерешительно подходили к всадникам, хотели поделиться увиденным и пережитым ужасом. Но как только они подошли поближе, их со всех сторон окружили волки, которые будто выросли из-под земли. Они, оскалив пасти и обнажив клыки, стали теснить обезумевших людей к телеге с клеткой, и тем ничего не оставалось, как самим залезть и спрятаться в ней. Один из всадников спрыгнул с лошади, спокойно прошёл мимо волков, захлопнул дверь клетки и повесил на неё огромный замок.

– Отличная работа, господа, – громко засмеялся тот самый всадник в маске. На его руках блистали золотые перстни, а на шее красовалась огромная цепь с большим красным камнем. Люди, схватившись за решётки, с ужасом смотрели на него. Ни дорогая одежда, ни золотые украшения, ни маска не могли скрасить его маленькие, злые, отёкшие глаза.

– Да, пренеприятнейший тип, – раздался голос из темницы. – Наверное, мы у него в замке.

– А что он собирается с нами сделать? – послышался тихий голос женщины, – хоть бы ребёнка моего отпустили, что им ребёнок-то сделал? Болезный он у меня.

– Раз поймали, то уже не отпустят... – вздохнул кто-то. – Только и остается, что ждать...

Глава 6

Деревенская беда

Настя, выплакав все слёзы, обняв за шею коня, пошла вдоль деревни, заглядывая в пустые дворы в надежде кого-нибудь встретить. Но только оглушающая тишина встречала её, да изредка мычала где-то оставшаяся в живых недоеная корова. Людей нигде не было видно, ни единой души.

– Эй, люди, вы где! Отзовитесь! Это я, Настёна-сирота! Что у вас тут произошло? Ну, пожалуйста, ну кто-нибудь! – что есть мочи кричала Настя, переходя от дома к дому.

У тётки Аксины закрипела калитка. Девчушка резко повернула к ней голову. У калитки появилась хозяйка, лицо её опухло от слёз. И из других дворов стали появляться уцелевшие односельчане.

– Фу, слава тебе Господи, есть живые! – с облегчением произнесла Настя.

Постепенно вокруг девушки собралась небольшая толпа из четырех человек. Все подсчитывали потери и наперебой рассказывали Насте ужасы прошедшей ночи. Вскоре она уже была в курсе произошедших событий.

– Ты-то как уцелела? – спросила её Аксинья. – Ты что, ночь в лесу провела? Ты спряталась, и тебя не заметили?

– Нет же, у меня сломалась телега, и мне пришлось заново

чевать на мельнице, – ответила Настя.

– Да, тебе тоже несладко пришлось, как ты только не испугалась ночь на мельнице провести со страшным мельником?! – вздохнула тётка.

– Будет вам, это он с виду такой страшный, а так он очень добрый и заботливый. Да если бы не он, может, и меня настигла бы та же участь, что и тех бедолаг в лесу! – заступилась за мельника девушка. И она поведала про свои находки на дороге.

Успокоившись и переведя дух, Настя поехала отвозить муку в Петровку. Она ещё издали поняла, что страшная участь её деревни минула соседей, беда прошла стороной. На полях паслась скотина, мирно пожёвывая сочную траву. Повсюду спокойно трудились люди, раздавался детский смех. Она доехала до дома дядьки Афанаса, постучала железным кольцом, висевшим на воротах, из окна высунулась его голова.

– А-а-а-а, приплелась, негодная! Ты бы ещё завтра заявила! Проспала всё на свете! – закричал он на девушку. – Я тебе что велел сделать?! Когда быть? А? Молчишь, как воды в рот набрала!

– Дядька Афанас, я Вам всё объясню, выслушайте меня сначала... это очень важно, – умоляющим голосом ответила Настя.

– Тоже мне, важно! Значит, она где-то прохлаждалась, а мне теперь её сказки слушать?! Знаю, знаю я вас, молодёжь,

врать вы все горазды! – не успокаивался мужчина.

– Нет, я правду расскажу, всё как есть, ей-богу! – девушка перекрестилась.

– Ладно, стой, где стоишь!

Взъерошенная, нечёсаная голова ворчливого мужика исчезла, и через несколько минут его шаркающие шаги послышались за воротами. Калитка закрипела и открылась, сначала показалось толстое пузо Афанаса, а затем только он сам. Сколько его Настя помнила, он всегда ходил в одной и той же мятой рубаше с жирным пятном на животе. Лицо его было хмурым, заострённый нос нервно подёргивался. Маленькие, как пуговицы, зелёные глазки впились в Настину хрупкую фигурку.

– Ну, и... – Афанасий, широко расставив ноги, руками подперев свисающие по бокам штанов бока, прищурил один глаз, всем своим видом показывая, что, мол, сам всё знаю, и что бы ты ни сказала, я не поверю.

Настя, шмыгнув носом, торопливо и коротко, чтобы он не передумал её слушать, рассказала всё, что произошло с ней и с деревней. Мужчина выслушал её, не перебивая, и в конце всей истории задумчиво произнёс:

– Ну, такого даже я придумать бы не смог.

– Я не придумываю! – вырвалось у Насти, ей до слёз стало обидно, что он ей не верит, она ни разу в жизни никому не соврала, всегда говорила и будет говорить правду!

– Конечно-конечно, всё так и было... – с ехидством, по-

чёсывая корявым пальцем свою нечёсаную голову, протянул Афанас.

– Скажите своим односельчанам об опасности, пусть остерегаются! – настаивала на своём девушка.

– Ага, чтобы они меня за сумасшедшего считали?! – покрутил указательным пальцем у виска мужик.

– Но это же правда! – пыталась убедить его Настя.

– Ладно, убедила, давай, въезжай во двор, сгрузим мешки, а ты ступай себе! – Афанас повернулся к девушке спиной и пошёл отворять ворота.

– Так вы предупредите их? – с мольбой в голосе спросила Настя.

– Ну, конечно, обязательно... – рассеянно пробубнил мужик.

Сделав работу и получив расчёт, Настя, уверенная, что предупредила всех о нависшей угрозе, двинулась в обратный путь. Дядька Афанас, стоя у калитки, крутил пальцем у виска:

– Совсем рехнулась девка, про птиц каких-то огромных наплела, ещё бы про драконов рассказала! Что-то у неё с головой не в порядке...

И, плюнув на землю, ушёл в дом.

Глава 7

Первые жертвы

Заскрипело железо. Это открывались огромные двери темницы, показались люди с факелами.

– Идут, окаянные, – заохал женский голос.

– Так мы тут давно сидим, хоть бы попить принесли, – отозвался мужской голос.

Но у стражей в руках, кроме факелов, ничего не было. Они, переговариваясь между собой, медленно, переходили от клетки к клетке, разглядывая испуганных, голодных людей.

– Давай возьмём вон ту тётку и этого мужика, – наконец, сказал один из стражников.

– А мне вообще без разницы, сказали двоих, значит, двоих, – лениво ответил другой.

– Эй, ты, мужик, а ну, руки сюда протяни, – приказал, наконец, первый страж, глядя на приглянувшегося ему пленника. Тот молча просунул руки в щель между решётками, подождал, когда его свяжут и откроют дверь, и вышел из клетки.

– А теперь ты, жирная свинья! – крикнул страж женщине.

– Ой, батюшки, куда вы нас? Я никуда отсель не пойду! – истерично запричитала она.

– А тебя никто и не спрашивает, мать! Пойдёшь, как миленькая! – засмеялся один из стражников.

– Да оставь её, не хочет, пусть тут в подвале с крысами сдохнет! – подхватил другой.

Испуганная баба, перестав вопить, секунду подумала и попросила:

– Со мной сынок, можно я его с собой возьму?

– Валяй, нам не жалко, – ответили стражники.

Всю дорогу охранники веселились, всё им было смешно: то женщина споткнётся, то ребёнок упадёт, то мужик на дверь наткнётся. Пленников вывели во двор. Солнце уже почти село, ещё немного, и станет совсем темно. Узники нервно и испуганно озирались вокруг, пытаясь понять, где они находятся. Но ничего знакомого не приметив, опустили головы и молча стали ждать своей участи.

– Эй, как вас там, люди, люди, человеки?! – раздался откуда-то сверху мужской голос. Пленники вздрогнули и подняли головы. Женщина с удивлением посмотрела на товарища по несчастью, он бросился на землю, упёрся лбом в землю.

– Батюшка, благодетель, наш спаситель, не губи нас, отпусти! – прокричал он.

– Тьфу, какая невоспитанность, – прошептал мужчина с балкона женскому силуэту, стоящему рядом.

– Это же людишки, жалкие существа, глупо от них ждать галантных манер! – с укором ответила ему спутница.

Красивое, утонченное лицо мужчины отражало столько

злости, что, казалось, он вот-вот прыгнет на узников и растерзает их.

Мужик, не поднимая глаз, стоя на коленях, только и делал, что отвешивал поклоны. Баба со страху тоже присела, пригнула и мальчонку к земле.

– Слушайте нас, никчёмные существа! Вам сегодня так повезло! И вы даже не представляете, насколько! Да вы просто счастливики! Ведь вы сегодня не только проститесь со своей жалкой жизнью, но и удостоитесь чести порадовать нас! Итак... та-да-дам... вы будете участвовать в охоте!!! – мужчина на балконе радостно засмеялся и захлопал в ладоши. – Это будет так весело! Но, правда, для вас есть одна печальная новость, вы будете... целью... э-э... мишенью... э-э... ну или как так там правильно будет, мам? – он обернулся и вопросительно посмотрел на мать. Та только закатила глаза и ничего не ответила. Как же её любимый сын любит эти драматические, пафосные представления!

– Мы даже, – тем временем продолжал сын, – милостивый ваш господин и властитель леса, даём вам ровно полчасика, чтоб убежать, спрятаться, раствориться, исчезнуть... – он выдержал паузу. – И если вам каким-то образом удастся это сделать и дожить до восхода солнца, то мы, так и быть, сделаем вам величайший дар! Даром этим будет ваша бестолковая, никчемная, жалкая жизнь, за которую вы так отчаянно цепляетесь и так боитесь потерять!

– Ой, как это на охоту? Что же это? Это ж не по-человече-

ски! Это что ж, за нами охотиться будут?! Как так можно-то, а? Ох, беда-то какая, – затараторила баба. – Ребёночка отпустите моего!

– А ну, цыц! – заорал на весь двор граф. – Сама скоро всё увидишь! А ребёнку твоему ещё лучше будет, быстрее поймают, меньше мученья!

Молодой граф взглянул на солнце, он ждал, когда оно совсем скроется за горизонтом. Когда солнце скрылось, по всему двору загорелись факелы, а на площади стало светло, как днём. Вокруг стали происходить странные вещи. Пленники, округлив глаза от ужаса, оцепенели – они такого в жизни своей ни разу не видели. Сначала на их глазах все слуги замка превратились в волков, затем граф, который успел спуститься с балкона вниз, стал ужасно страшным, сгорбленным мужиком, со злобными опухшими глазками и отёкшим, морщинистым лицом. Пленники ахнули: был один, а стал совершенно другой человек.

– Ме-ельник?! – прошептала себе под нос баба в полуобморочном состоянии.

В это время граф хохотал, глядя на изумлённые, вытянутые лица своих жертв.

– Мама, ну ты где?! Давай, спускайся к нам!

Сверху слышался уже знакомый шорох огромных крыльев. Бедная пленная женщина, не выдержав напряжения, потеряла сознание и с грохотом упала на землю. Очнулась она от ледяной воды, которой её с щедростью окатили из

ведра.

— Это конец... — прошептала она, потеряв всякую надежду на спасенье. Но вместе с этим возгласом вернулась к ней материнская храбрость, стремление во чтобы-то ни стало убе-речь, спасти своё дитя. Она уверенно встала на ноги, обняла сына и смело посмотрела на своих мучителей.

— О-о как! — снова расхохотался граф. — Да ты смелая, мать! Что ж, поглядим, на сколько тебя хватит. Мы столько храбрецов выдели, да только продержались они от силы минут пять. Но мы не такие уж и звери, правда, друзья?! — об-ратился он своей своре, те оскалились и жутко завывли. — Вы помните про дополнительное время и главный приз! Желаю вам удачи, от души! Мама, прошу, они твои!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.